

Виктор Пелевин. Писатель-загадка

Джип, который нельзя угнать

Всякий раз он сам уйдет со стоянки. Виктору Пелевину — 40 лет

Известия - 2002 - 22 нояб - с 1,3

Сегодня — 40 лет одному из самых раскрученных российских прозаиков Виктору Пелевину. Или, как написано в энциклопедиях (не без мистификаторского задора автора «Чапаева и Пустоты»), 35. «Известия» в исключительных случаях отмечают даже «настоящие» юбилеи крупных здравствующих деятелей культуры; а тут — юбилей половинчатый, середина пути до полноценных 80. Или 70. Но никто не знает, кого будут читать в те далекие времена, когда Пелевину стукнет восьмой, он же девятый, десяток. Лучше воспользоваться информационным поводом сейчас, когда его слава, утихшая в Москве, разгорается тиражным пламенем в регионах. Сегодня мы имеем возможность увидеть Виктора Пелевина глазами известного журналиста Игоря СВИНАРЕНКО.

По мне, Пелевин — страшно современный писатель. В том смысле, что не переоценивает роль книги в современной культуре, не надувает щеки, не желает учить жизни. Он не гуру и не строит из себя такового.

Мне почему-то очень симпатично то, что Виктор не дает интервью. Вернее, редко их дает. Только в тех жестко отмеренных случаях, когда это может дать реальный эффект: повлиять на рост продаж его книг.

Я у него ни разу не брал интервью, хотя и не прочь бы. Но только я доставал диктофон, он менялся в лице — не в лучшую сторону. Я себя начинал чувствовать бессердечным папарацци, который загоняет принцессу Диану в известный туннель, чтоб разбить насмерть нежное существо, и торопливо пихал ортехнику обратно. Нежное — потому что Пелевин такой и есть, не зря же он прячется от грубой толпы, от простодушной наглой публики.

Эта нежность наряду с прагматичной современностью — или современным прагматизмом — тоже очень привлекательна. Нас утомили деятели культуры, которые неустанно сами себя пиарят. Всякая знаменитость, отказывающаяся в интервью, может уже одним этим вызвать глубокую симпатию...

Некоторые попрекают Пелевина комплексами, но это глупо. Он ведь себе на хлеб ими зарабатывает! Впечатлительность для него — жизненно важное качество, такое же, как для путешественника Конюхова умение болтаться в океане без жратвы, без водки и без баб.

В Пелевине, безусловно, есть нечто бандитское — не зря он так любит «ботать по фене», в которой видит мощную энергетику. Я не раз наблюдал со стороны за тем, как он беседует с незнакомыми людьми. Так говорят в камере с новичками, пугают их на всякий случай, чтоб после ловчее было строить отношения. И еще затем, чтоб скрыть за наглостью собственную стыдность. Однажды он и на меня наехал, при первой нашей встрече. На меня — потому что всех прочих, кто был в комнате, он давно знал и пугать их смысла не было. Он сверлил меня глазами, шурил их, выдвигал вперед нижнюю челюсть и цедил сквозь зубы, что видит меня насквозь и все-все про меня узнал, и теперь, вот прямо сейчас, что-то ужасно случится... Девочки-секретарши, бывшие при этом, обомлели в предчувствии по меньшей мере драки, ну или хотя бы совместного поедания мухоморов в знак примирения. Но в мои планы не входило стяжание славы Дантеса и Мартынова, я отшутился, и он оттаял. В новые наши встречи он был деликатен как интеллигент-шестидесятник. А ведь немало народу, наверное, попало на его удочку и считает Пелевина чистым «братком», который сверлит всех глазами и может любого прописать-порезать...

Люди, которые с ним встречались лично, отмечают ум Пелевина — и его скудность как собеседника. Но зато как он неподражаемо остроумен на письме! «Если ситуация будет развиваться так же, кончится тем, что Березов-

ский приватизирует время, а Гусинский — пространство, и все кончится всеобщим коллапсом».

Раньше на писателя вешали занудную обязанность напоминать современникам про мораль, про всякие там ценности и проч. Пожалуйста, Пелевин делает это одной левой, — вот вам его вклад в воспитание подрастающего поколения, которое как-то слишком уж резво увлеклось наркотиками: «Большинство моих друзей, да и я сам, давно поняли, что самый сильный психоделик — это так называемый чистяк, то есть трезвый и достаточно дисциплинированный образ жизни. Тогда... снимается проблема... противоречия между трипом и социальной реальностью».

При том что чистяк, заметим, — это в некотором роде антоним Пелевина. Ведь это слово означает хлеб без примесей. В то время как «пелева» — это «обоина зернового хлеба, при обмоло-те, лузга, шелуха...» — см. у Даля.

К своему 40-летию Виктор подошел с не самыми блестящими достижениями. Страшно сказать, но последнюю свою книгу он выпустил аж четыре года назад! Четыре года ему не пишется... Это удивительный факт, который никому почему-то не бросается в глаза, хоть и лежит на поверхности...

До меня долетали вести, что новую книгу он якобы допишет не раньше чем через год. Видно, ему есть про что молчать... Иногда я спрашиваю себя: верю ли я сам в его новый шедевр? Я боюсь отвечать на этот свой вопрос. Я искренне желаю Виктору, что называется, успехов в труде. Если он бросит свое ремесло, современная литература, и без того не страдающая от избытка побед, станет еще бледней. Этого я всерьез боюсь; он рассказывал мне про новые проекты, которые всерьез с кем-то обсуждает. Страшно далеки они от литературы...

Я-то — ладно. Давайте глянем на вопрос шире: нужны ли серьезные, качественные книги нашим современным согражданам? Я про то, что со 100-рублевой книги писатель получает в лучшем случае пятерку. Помножьте ее сами на 10- или 20-тысячный даже тираж, и что? Жить на полученную сумму пять лет — до следующей книги? С такими-то мозгами...

По мне, Пелевина следует холить и лелеять. Дать стипендию, отправить куда-нибудь в Рим, как это делали с художниками во времена Брюллова. Или на Капри, как Горького. Поставить его губернатором, на кормление, как какого-нибудь Щедрина... Занести, короче, в Красную Книгу, и пусть он из нее закидает нас своими книгами.

Или хоть дачу дать казенную в Переделкине. Пора б уже не только писателю, но и читателю стать современным. Не обязательно гения задним числом — давайте его при жизни оценим. Как-то стыдно, что он кормится с зарубежных переводов своих книг, да и то ездит в издательство на метро из квартирки в Чертанове... Отчего так по-глобски мы ведем себя с талантами? Такой народ...

Виктору Пелевину — 40 лет

известия — 2002. — 22 нояб. — с. 3

PELEVIN NOV.RU

Культурный российский писатель Виктор Пелевин редко появляется перед фотокамерой без очков...

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Однажды в Питере мы с Пелевиным пили в заведении чай.

— Больше всего я люблю библиозовый, «Те Гуанинь № 742».

Очень тонко, очень по-китайски... И одет он был соответственно: маечка с драконом, а поверх — настоящий китайский френч, пошитый на заказ в пекинском ателье — там одеваются члены их Политбюро. На входе маленький металлический крючок, чтоб уж застегнуть так застегнуть. А внутри — мелкие пуговики: пристегивать подворотничок.

Сидим, значить, пьем чай. А тут заходит знакомый местный клерк и говорит:

— Вас приветствует коррумпированное чиновничество криминальной столицы Петербурга!

Может, шутит? Но все равно красиво! В каком-то чисто пелевинском жанре. А что ж это за жанр такой? Бог весть. Но миллионы людей в разных странах прочли уже Пелевина и читают дальше. Это весьма значительная тайна, к которой трудно отнестись без уважения...

Пелевина в полный рост исследуют серьезные критики типа

Гениса, Роднянской, Немзера и т.п. Вот самые, пожалуй, забавные мнения разных авторов.

Обычная для пелевинских книг судьба — мгновенный успех у читателя и бешеный отпор критиков.

После чтения Пелевина не остается мучительных вопросов типа «что автор хотел сказать?».

Пелевин ссылается на Набокова, который сказал, что и у вдохновения есть три составляющие: лень, похоть и тщеславие, и цитирует ахматовское: «Когда бы вы знали, из какого сора...»

Американская критика обходится с Пелевиным куда лучше отечественной. В Америке его сравнивают не только с Булгаковым и Довлатовым, но и с автором легендарной «Уловки-22» Джозефом Хеллером.

Считают, что он пишет сатиру, но скорее это басня.

Представьте себе читателя «Мастера и Маргариты», не только не знающего, но и не желающего ничего знать о христианстве. Абсурд! Однако именно это произошло с пелевинским «Чапаевым». Пелевин, взяв фольклорные фигуры «чапаевского цикла» анекдотов, превра-

тил их в персонажей буддистской притчи.

Советская власть служит ему таким же исходным материалом, как Троя Гомеру или Дублин — Джойсу.

В поздних фильмах Феллини самое интересное происходит в глубине кадра — действия на переднем и заднем плане развиваются независимо друг от друга. К такому же приему, требующему от читателя повышенной читательской алертности, прибегает и Пелевин. Важная странность его прозы заключается в том, что он упрямо вытесняет на повествовательную периферию центральную идею, концептуальную квинтэссенцию своих произведений. Обо всем по-настоящему серьезном здесь говорится вскользь. Наиболее существенные мысли доносят репродуктор на стене, обрывок армейской газеты, цитата из пропагандистской листовки, речь парторга на собрании. Так, в рассказе «Вести из Непала» заводской репродуктор бодрым комсомольским языком пересказывает тибетскую «Книгу мертвых»: «Современная наука установила, что сущностью греха является забвение Бога, а сущностью воздушных мытарств является бесконечное движение по суживающейся спирали к точке подлинной смерти».

Телеведущий Соловьев как-то сказал, что некто может нечто совершить «накурившись наркотиков или начитавшись Пелевина». ...Наркотики освобождают подсознание от цензуры рассудка и порождают неконтролируемый поток образов. У Пелевина ни о какой бесконтрольности не может быть речи. Всякий образ у него имеет литературный источник, а всякая связь образов продуманно концептуальна. Сочетание галлюцинаций, снов и трезвого рассудка чрезвычайно роднит Пелевина с Гессе.

Грубо говоря, место, занимаемое Пелевиным в современной русской литературе, сопоставимо с тем, которое принадлежит Мураками в литературе сегодняшней Японии. Оба они являются посредниками, перекидывающими мостик через пропасть, разделяющую серьезную и массовую литературу.

В эссе, написанном для японского литературного журнала «Синте», Пелевин рассказывает об одной необычной игре, в которую ему случалось играть в юности: надо было придумывать японские стихотворения на русском языке, выдавая их за перевод с японских оригиналов. Такая постмодернистская игра характерна для творчества Пелевина в целом.

«В эпоху разложения какого-нибудь жанра он из центра перемещается в периферию, а на его место из мелочей литературы, из ее задворков и низин вливается в центр новое явление (это и есть явление «канонизации младших жанров», о котором говорит Виктор Шкловский). Так стал бульварным авантюрный роман, так становится сейчас бульварно-психологическая повесть». (Из статьи Юрия Тынянова «Литературный факт», которую кто-то из критиков процитировал в связи с Пелевиным.)

Забавно, что последняя цитата датирована 1928 годом — когда никакого Пелевина не было...

Отдельные цитаты из самого Пелевина:

«Антирусский заговор, безусловно, существует — проблема только в том, что в нем участвует все взрослое население России».

«По телевизору между тем показывали те же самые хари, от которых всех тошнило последние двадцать лет. Теперь они говорили точь-в-точь то самое, за что раньше сажали других, только были гораздо смелее, тверже и радикальнее. Татарский часто представлял себе Германию сорок шестого года, где доктор Геббельс истерически орет о пронасти, в которую фашизм увлек нацию, бывший комендант Освенцима возглавляет комиссию по отлову нацистских преступников, генералы СС просто и доходчиво говорят о либеральных ценностях, а возглавляет всю лавочку прозревший наконец сауляйтер Восточной Пруссии».

Масскульт — это и есть Большая культура, хотим мы этого или нет.

...мне нравится песня про «я сам себе и небо, и луна».

Хэппи-энд — самое хорошее, что только может быть в лите-

ратуре и в жизни. В принципе у меня есть устойчивое стремление к хэппи-энду. Тексты, которые я пишу, очень воздействуют на мою жизнь, и иногда возникает желание написать роман про умного и доброго миллионера, который живет на Багамских островах.

Хорошо было бы научиться превращаться в джип «Чероки», чтобы тебя каждый день продавали в Южном порту, а ночью ты тихо лиял бы со стоянки. Потом можно было бы написать об этом новую русскую сказку.

Я однажды попробовал сделать коммерческую книгу, типа детек-

тива. И на 120-й странице у меня вирус срубил компьютер.

Есть такая фирма «Gap» («дырка, разрыв»). Я им придумал рекламу для их русских магазинов: «Russia was always notorious for the gap between culture and civilization. Now there is no culture and no civilization. The only thing that remains is gap — your style» («России всегда был свойствен разрыв между культурой и цивилизацией. Теперь нет ни культуры, ни цивилизации. Единственное, что осталось, — это дырка, это и есть ваш стиль»). Это что касается европейского мышления и азиатского образа жизни.

PELEVIN NOV.RU

...впрочем, и в очках тоже редко